

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. И. КРАВЦОВ

СЕРБСКИЙ ЭПОС И ИСТОРИЯ

I

А. М. Горький в докладе на съезде советских писателей 17 августа 1934 г. говорил: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории». В этой мысли великий писатель выразил сложные отношения народного творчества и народной истории, понимание фольклора как продукта и вместе с тем отражения исторического и культурного развития народа.

Если эта мысль верна относительно фольклора вообще, то она верна и в применении к эпосу, который носит более исторический характер, нежели другие жанры народной поэзии, так как эпос, и в том числе сербский, имеет реальную историческую основу. Он, как мы постараемся показать, даже предполагает такую основу, ибо без нее невозможно объяснить ни его происхождение, ни его идейную сущность, ни его жанровое своеобразие. Эпос как вид народного творчества стал формироваться тогда, когда возникла необходимость повествования об исторических событиях и социально-политической борьбе: он был устной историей народа. Эпический певец, таким образом, выступал в роли историка и, возможно, чувствовал такую же ответственность перед народом, как летописец Пимен в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина. Но так как певец был народным певцом, выражал народный исторический опыт и народное понимание истории, то эпос — это история в поэтической форме, рассказанная самим народом.

Изучение исторической основы эпосов различных народов издавна привлекало внимание ученых. Особенно интересны в этом отношении работы русских литературоведов, отличающиеся во многом принципиальностью и широтой, — Л. Майкова, Вс. Миллера, И. Жданова, А. Маркова и других, которые, дав немало ценного, не сделали в то же время очень важного: не установили закономерностей творческого преобразования исторического факта в русском эпосе и не определили социального осмысления истории в эпосе.

Вопрос об историчности сербского эпоса также ставился не однажды и под несомненным влиянием русских ученых. Но общих работ на эту тему мало, хотя весьма богата литература, которая выясняет исторические прототипы отдельных эпических героев и частные исторические детали песен. Первым вопрос об историчности сербского эпоса поста-

вил Иван Хаджич в статье «Историја и песме народне» («Голубика», кн. IV, 1842, стр. 3—11), но в весьма общей форме, притом он слишком непосредственно хотел обнаружить историю в эпосе, забывая, что эпос не просто исторический рассказ, но и поэтическое творчество. В более поздних работах, как статья Ст. Новаковича «Народне традиције и критичка историја» («Отаџбина», кн. IV—V, 1880) или книга И. Руварца «Прилог к испитивану српских јуначких песама» (Нови Сад., 1884), дело в конце концов опять-таки сводится к сличению фактов истории с мотивами эпических песен, без обобщений и выводов, что далеко не исчерпывает проблемы — эпос и история — и незаконно упрощает ее.

Представители старой школы в сербской фольклористике по существу не сомневались в тождестве эпического героя и реального лица, песенного сюжета и исторического события, а сербские историки почти без оговорок пользовались материалом эпоса для характеристики, например, древнего периода сербской истории, о котором документальные показания и свидетельства скудны. Это слишком прямолинейное и грубое решение вопроса. Такое отношение к эпосу, как мы увидим, лишь в известной мере было правильным. Ошибка состояла в том, что внимание останавливалось только на констатации факта и забывалось его освещение в эпосе. Позднее все чаще и чаще раздаются скептические высказывания по поводу историчности сербского эпоса. Так, болгарский литературовед Трифонов полагает, что «в песнях следы исторических событий слабы, а преобладает эпическая обработка широко распространенных мотивов»¹. А, например, А. Л. Погодин (после Октябрьской революции эмигрировавший из Советской России) высказался еще решительнее: «В сербских (песнях)... мы встречаем полную неосведомленность по отношению к прошлому своей страны».² Подобные заявления следует признать принципиально неверными, ибо они идут или от порочной теории странствующих сюжетов (Трифонов) или некритически утверждают неисторичность песни, прошедшей долгий путь жизни, отделенной от событий порой несколькими веками, — а ведь даже «ученый» историк в «ученом» сочинении нередко путано и неверно воспроизводит прошлое, и не только далекое, но и очень близкое, как это делает сам Погодин в своей «Истории Сербии» (СПб., 1909). Важно не только установление историчности или неисторичности эпоса (некоторую долю его историчности можно увидеть без обстоятельного анализа), важно то, как и какие исторические события и лица изображает эпос, как претворяет и освещает историю, какой смысл он находит в фактах истории, как и каким образом оценивает их и какое идейное значение он им придает. Вот, собственно, круг вопросов, который должен быть рассмотрен при разрешении проблемы — эпос и история.

Сербский эпос — исторический в своей основе, хотя последняя не остается неизменной в течение его многовековой жизни. Исторический характер сербских эпических песен проявляется в том, что в них: 1) действуют герои с историческими именами (князь Лазарь Марко Кралевич, Вукашин, Вук Бранкович, Юрий Смедеревац, Старина Новак и пр.), получающие социальные и политические характеристики; 2) изображаются знаменательные исторические события (Косовская битва, гибель Вукашина на р. Марице, характер правления Ерины Бранкович, эпизоды многовековой борьбы сербов с турками и т. д.); 3) характе-

¹ Ю. Трифонов. Български върху развитието на песните за Новака у българитѣ и сѣрбитѣ. «Списание на Българската Академия на наукитѣ», кн. XXIX стр. 103—128.

² А. Л. Погодин. Лекции по истории сербской и болгарской литературы, Харьков, 1914, стр. 131.

различия быта и культура, понятия и представления сербского народа на разных этапах его жизни, от древнейших времен до последних дней; 4) сохраняются следы исторической географии; 5) описывается множество важных и любопытных исторических деталей, которых не сохранили другие источники; 6) отражаются исторически менявшиеся отношения народа к героям и событиям, думы и чаяния народа; 7) сказывается понимание народом эпоса как истории, что видно хотя бы из обычных концовок песен: «Кад се било, сад се споминьало»; 8) обнаруживается параллельное исторической жизни народа развитие эпоса, благодаря чему все этапы истории народа запечатлены в эпосе; 9) раскрывается исторический смысл событий и деятельности героев и особенно этапов освободительной борьбы; 10) история используется как средство социальной борьбы и воспитания патриотических чувств.

Исторический характер сербского эпоса подтверждается и рядом других обстоятельств, например, тем, что певцы сами нередко были участниками воспеваемых событий; новые певцы старательно сохраняют историческую достоверность, когда поют о современных им событиях, что отметил Вук Караджич и что, очевидно, надо допустить по отношению и к старым певцам; слова Караджича, что в «новых песнях больше истории, чем поэзии», следует понимать двояко: не только так, что старые песни и при своем возникновении носили более поэтическую форму, но и так, что старые песни в новое время уже утратили многие черты истории, а новые еще хранят ее живые следы³. Песни заучивались наизусть и старательно береглись как свидетельство о прошлом, чему способствовала их стихотворная форма. К сербским песням приложимы русские пословицы: «Сказка — складка, а песня — быть» и «Из песни слова не выкинешь». Подобные пословицы есть и у сербов, и это является свидетельством самого народа об исторической основе песен.

2

Степень историчности всего сербского эпоса и его отдельных песен, естественно, может быть определена только по сравнению их с историческими источниками, что затрудняется скудностью этих последних. Для ранних периодов сербской истории источников мало, а те, какие есть, касаются не тех событий и лиц, которые воспеваются в эпических песнях. Показания иноземных источников слишком общи и требуют осторожного критического обращения с ними. Так, показания турок, византийцев и венецианцев явно пристрастны, а сообщают мало и мало помогают объяснению исторических фактов. В истории Сербии пока многое остается неясным и даже неуяснимым. Юридические документы относятся главным образом к Далматинскому побережью, а не к старой Сербии и Македонии, где более всего происходили события, о которых повествует эпос. Наконец, многие документы утрачены безвозвратно. Поэтому мы не в состоянии проверить историчность многих песенных героев и событий. Очевидно, невозможно решить историческое лицо Поезда из Голубца, упоминаемый в песне «Облак Радосав» (К а р а д ж и ч, II, № 87), или нет. Развалины Голубца на Дунае сохранились. Известно, что его воевода Еремия передал город туркам, которым этот город служил исходной базой для борьбы с мадьярами. Но о Поезде сведений не дошло. Нельзя, вероятно, ответить и на вопрос о том, имеется ли исторический прототип Сукноевич-князя, одного из героев песни «Женитьба Джуро Черноевича» (К а р а д ж и ч, II, № 90). Сербские же юнацкие (героические) песни, богатые событиями и именами, требуют объяснения.

³ Любопытны примечания Караджича к песне о гибели Измаил-аги и к песне об усске Каримане (Песни, кн. IV), где параллельно изложены фактические события и их отражение в эпосе.

Дать удовлетворительный исторический и культурно-бытовой комментарий к сербским эпическим песням трудно, хотя и существует ряд работ, пытающихся это сделать. Это понятно, так как относительно многих героев эпоса в летописях или иных документах можно найти лишь краткие сообщения типа: «В лѣто... закланъ бысть». Благодаря такому положению, историческую достоверность песен приходится устанавливать при помощи анализа тех же песен. Таким образом, историк и литературовед попадают в заколдованный круг. Большие затруднения создает и то обстоятельство, что исторические источники, которые можно было бы использовать для критики эпоса, сами нередко во многом основываются на показаниях эпоса и народных преданий. Описания Косовской битвы 1389 г. в житиях и летописях (как, впрочем, и всякой другой битвы) изобилуют типическими, общими местами, характерными для эпоса, вплоть до фраз, напоминающих стихи, как например, крик изменника Среза в «Житии св. Савы» Феодосия: «Пази да не исквасиш кожуха!» Или: епископ Данило II, описывая битву 1330 г. при Велбудже, рассказывает, как Стефан Дечанский плачет над трупами побитых врагов, как река Струма принимает кровавый цвет, как лежат враги «бежаху сечени као пољска трава». Не в одной летописи повторены песенные слова Лазаря Милошу: «Тко е вера, тко ли е невера».

Воздействие эпоса на летописную и житийную литературу закономерно: к народному преданию относились с уважением и считали возможным основываться на нем. Важное значение имели жития, используемые нередко летописями, как Копривницкая в списке 1453 г. и Карловацкая в списке 1503 г. Явно, что жития служили и почвой эпических сюжетов. Так, песня «Как Сава пошел в монахи» (в сборнике Петрановича) подробно воспроизводит эпизоды жития Савы, написанного Феодосием.

Но не летописи и не жития были источниками истории в эпосе. Не были ими и предания, как склонен думать Т. Маретич, сравнивавший прозаические рассказы о Марке, Секуле, Янке Сибиняnine с эпическими песнями о них⁴. Эпос не является поэтической обработкой сказаний: это самостоятельный и особый путь развития исторического факта в сознании народа; эпической песне незначает, пока об историческом событии или лице сложатся предание или легенда, чтобы поэтически их пересказать: эпические песни возникают вскоре после тех событий, которые в них воспеваются, эпос сам историчен. его предмет — история, и, стало быть, он сам должен рассматриваться как исторический источник (хотя не в этом, подчеркиваем еще раз, сущность проблемы — эпос и история).

Источник истории в эпосе — исторические воспоминания самих народных певцов, часто свидетелей или участников. во всяком случае, современников воспеваемых событий (так это бывает при возникновении песен об определенных лицах и событиях). Сумма сведений и представлений певца об истории — вот основа истории в эпосе. Но к этому надо добавить и весь исторический опыт народа, поскольку он усвоен певцом как представителем народа и выразителем его самосознания. Певцы — творцы песен, как Филипп Вишняк у Караджича, сами пели о том, что знали: певцы, перепевающие песни, восприняли и бережно хранили исторические представления народа.

Певец однако, не всегда может дать точное воспроизведение исторического факта. Это часто ему не под силу, если он не был свидетелем событий. Да и задачи эпоса не в этом: его только условно

⁴ «Rad jugoslavenske akademije». XCVII. 1889. стр. 69—81.

можно назвать историей, ибо он историчен, но он не историчен в том смысле, в каком живет в представлениях народа; эпос отражает народное понимание истории.

Также так же и в сербском эпосе история толкуется в народном ее представлении. Песни поэтому поются не обо всех исторических событиях в лицах. Это свидетельствует о том, что эпос производит отбор исторических фактов, берет из истории то, что соответствует его идейным задачам и его представлению о ценности исторических явлений. Он равнодушен к историческому факту самому по себе и не преследует цели полного и разностороннего воспроизведения истории. Песни складываются только о том, что оставило значительный след в жизни и сознании народа. И это является очень важным моментом историчности эпоса: отбор исторических явлений есть уже свидетельство о неравноценности исторических фактов. Песня берет из истории ее героические, патриотические моменты, моменты, определявшие народную жизнь. Так, личность Савы вошла в песни потому, что он был борцом против латинского (римского) влияния, защитником объединения сербских земель и политической, культурной и религиозной самостоятельности Сербии; венгерский воевода Янко Сибинянин (Хуниади) стал популярен своими удачными битвами с турками в 1442 и 1443 гг.; Змай-Огненный Вук (Бранкович) завоевал себе внимание и симпатии народа тем, что вышел из турецкого вассальства, отнял в 1476 г. у турок Смедерево, а в 1480 г. Сараево и в 1481 г. разбил их под Крушевцем. Вот почему народ поет о них в песнях. Дубровницкий поэт Ганнибал Лучич (1480—1525) называет Хуниади и Змай-Вука «знаменитыми героями», а это говорит о том, что уже вскоре после их смерти, а может быть еще и при их жизни, они завоевали себе эту славу.

И все прочие исторические события и лица, воспеты в эпических песнях, очевидно, значили для народа более, нежели те, какие эпос обошел своим вниманием. Это уже, стало быть, может помочь историку разбираться не только в исторической стороне эпоса, но и в самой истории. То, какие события и лица избирает эпос предметом своего повествования, подтверждает сознательное его отношение к прошлому. На наш взгляд русский ученый Л. Майков правильно замечает в своей книге «О былинах Владимирова цикла» (СПб., 1863, стр. 22), что «народный эпос по своему первоначальному образованию всегда современен или воспеваемому событию или, по крайней мере, живому впечатлению этого события на народ», т. е. эпос поет о том, что важно и значительно в жизни народа (кстати заметим, что В. Г. Белинский считал это важным признаком народности произведения). Все эти положения прекрасно подтверждаются наличием в советском фольклоре былинных сказов о Ленине, Сталине, Ворошилове, Чапаеве.

3

Для решения вопроса об историчности сербского эпоса исключительно важен вопрос о его происхождении, так как, если эпос позднего происхождения и является поздним свидетельством о событиях далекого прошлого, то, естественно, он много теряет в своей исторической ценности. И, напротив, если он — явление древнего происхождения, то, несомненно, имеет большее историческое значение и может быть известной опорой в решении некоторых исторических проблем. Имеет это большее значение и для раскрытия исторической основы эпоса и идейной роли исторического факта в нем.

Мы полагаем, нельзя согласиться с мнением (крайнее выражение которого нашло себе место в работах Асмуса Серенсена)⁵ о том, что сербский эпос позднего происхождения — XVII—XVIII вв. Ряд прямых и косвенных соображений может служить подтверждением весьма древнего происхождения сербского эпоса.

1. Сам народ называет эпические песни «старинские», подчеркивая этим их древность, причем этот термин известен еще в середине XVI в. (его приводит дубровницкий поэт Гекторович), а стало быть, песни значительно старше этого времени.

2. Для юнацких песен характерно употребление архаической лексики: вместо «дом» или «кућа» — «двор», вместо «ити» — «шетати», вместо «говорити» — «беседити».

3. Система ударений в языке песен также архаическая и расходится во многом с системой ударений новой разговорной и литературной речи, где в XV—XVI вв. произошло передвижение ударения к началу слова. Нельзя, с нашей точки зрения, приравнивать народно-поэтический язык к какому-либо диалекту; он именно более архаичен в некоторых своих элементах.

4. В сербском эпосе есть так называемый цикл «неисторических песен», которые хранят в себе значительные следы феодального строя, следы анимизма и древних мифов; это является свидетельством того, что эпическая песня как жанр существовала уже очень давно.

5. Древнейшие памятники письменности уже упоминают гусларские песни о героях. Первое упоминание о песнях во славу героев мы находим у Доментиана в «Житии св. Савы» (1264), затем в похвале св. Клименту, в хронике Ивана Дукли, в могильной надписи Остои Раяковича 1379 г. (в последней употреблено выражение «погуслом», т. е. «по песням»).

6. Новые, известные нам певцы различных народов импровизируют песни о событиях, свидетелями, участниками или современниками которых они были. Есть поэтому основание полагать, что и в древности песни также возникали по живым следам событий и, стало быть, песни по времени близко стоят к событиям. Если некоторую оговорку, может быть, и следует сделать по отношению к таким песням, как песни о Саве, на которых вероятно, сказалось влияние житийной литературы, то песни других сюжетов таких оговорок не требуют.

7. Наличие в сербском эпосе нескольких исторических циклов песен (Косовского, о кралевиче Марке, о Бранковичах, о Черноевичах и др.), каждый из которых имеет не только своих героев, но и свой особый характер, говорит о том, что эти циклы сложены не одновременно и что песни о более древних героях и событиях более древни, а песни о более поздних героях и событиях более поздны.

8. Древнейшие циклы (например, песни о Неманичах) обходят тему турецкого нашествия и, вероятно, сложены до него.

9. Славянский эпос как элемент народной культуры — самобытное явление. Он не мог возникнуть на почве влияний и заимствований, как это нередко полагала буржуазная фольклористика, а создавался в результате исторического развития славянских народов. Эпическая песня как жанр складывалась на общефольклорной основе мифических сказаний, легенд, сказок, причитаний и величаний, из которых выделялось и объединялось то, что соответствовало новым идейно-политическим задачам народного творчества. К этому присоединялось и то новое, что в связи с этими же задачами развивалось в фольклоре. Этот процесс закончился воз-

⁵ A. Soerensen. Beitrag zur Geschichte der Entwicklung der serbischen Heldendichtung. «Archiv für slavische Philologie», 1892—1898; его же. Entstehung der kurzzeitigen serbokroatischen Liederdichtung im Küstenlande, Berlin, 1895.

нового жанра — героической эпической песни, имеющей свои сюжеты, своих героев, свой стиль и стих. Основой этого процесса являются новые условия исторического существования общества: феодализм и государственности расширило общественно-политические интересы народа, подняло его самосознание и родило в нем потребность выразить свои общественно-политические настроения и идеи. А большие исторические события борьбы с турками дали новый материал фольклору и патриотические идеи — героическое дело потребовало героического слова.

10. В старших циклах сербского эпоса феодализм нашел многостороннее отражение; это, с нашей точки зрения, свидетельствует о формировании этих циклов именно в период феодализма, установившегося в Сербии в XI—XIV вв. (позже турецкое владычество подорвало сербский феодализм). Содержание старших циклов сербского эпоса таково, что их невозможно отнести к какому-либо другому периоду истории: они понятны только в атмосфере феодальных порядков. Только непосредственное наблюдение и знание общественного строя, культуры и быта феодализма давало возможность так ярко их характеризовать, как это делает сербский эпос.

4

Древность сербского эпоса придает ему важное значение как историческому памятнику. Циклы песен сербского эпоса, развивавшегося вместе с ходом народной жизни, отразили в себе основные социально-политические и культурно-бытовые особенности тех периодов, когда сложились эти циклы.

Сербский эпос имеет значительную познавательную ценность: он хранит в себе не только исторически характерные черты эпохи, но порой и интересные детали. Так, песня сохранила название старинной церкви в Вардине — Токия, старинной башни в Белграде — Небойша (связанной с гибелью капитана Якши); так, песня «Женитьба Максима Черноевича» называет пушку «коцианкой», в чем отложилось воспоминание о коменданте австрийских пограничников Иване Коциану и его битве с турками в 1537 г., когда он потерял всю артиллерию.

Эпическая песня хранит в общих чертах социально-политическую и культурную историю народа. В эпосе мы можем найти, например, разностороннюю характеристику сербского феодализма, который в исторических и юридических памятниках охарактеризован явно недостаточно, и поэтому свидетельства народных песен приобретают значительную ценность. Экономическая сторона феодализма нашла отражение в эпосе в изображении сбора дани натурой — хлебом, овцами и пр. («сока и харача» = дани-подати), в изображении земледелия и скотоводства как основных занятий населения, крепостного права, отработок за землю, повинностей градостроительства и строительства дорог (песни о Душане, Юрие Бранковиче). В песнях о Ерине Бранкович говорится о непосильном оброке и барщине.

Гораздо шире в эпосе картина политического строя феодальной Сербии. В песнях обычны феодальные термины: властела, господа, владар, племич, краль, князь, воевода, челник. В песне «Банович Страхиня» упоминается «крушевска господа», в песне № 28 книги II Караджича — «српска господа», в песне № 1 сборника Марьяновича — «оточка господа». Феодальные отношения древней Сербии ярко воспроизведены в песнях «Мусич Степан», «Канца-воевода» и других, — это служба, верность вассала, сбор войска. Кралевич Марко говорит Урошу (сборник Петрановича, II, № 47): «Слуга сам ти до вијека свога». В песне у Караджича (II, № 43) Лазарь пишет письмом Змай Деспоту-Вуку и зовет его как вассала защитить Милицу, а в награду:

Спреси њему три товара блага,
И спреси му сината вермана,
А за ону Сремску бановину
У државу Змај Деспоту-Вуку.

Дарение земли за службу, наследственность власти, стремление сохранить земли от раздробления — частые мотивы в песнях о Душане и Уроше. Феодалная иерархия проявляется в дружбе с равным, в местничестве.

Посједоше, те пијаху вино:
У врх совре стари Југ-Богдане,
С десне стране уза рамо своје
Сједе зета Страхинића бана,
И ту сједе девет Југовића,
Низа совру остала господа.

(К а р а д ж и ч, II, № 44)

Еще шире подобная картина описана в песне о Каице (II, № 81).

Песня нередко говорит о раздорах и междоусобиях феодалов («невјера и неслога»), а Душан в песне с гордостью заявляет:

Обуздал я воевод строптивых,
Подчинил своей их власти царской.

Песня о Радул-беге изображает борьбу за власть:

Мирко иште земљи старјешинство,
А не да му бего Радул-бего,
Већ уваћи Мирчету војводу,
Те га баци на дно у тавницу.

(К а р а д ж и ч, II, № 75)

Песня с народной точки зрения осуждает междоусобия, ослаблявшие и разорявшие страну:

Как тогда, так и теперь не могут
Два врага заклятых примириться,
Усмирить своей не могут крови,
Кровь людей и ныне проливают.

(К а р а д ж и ч, II, № 89)

Власть краля, князя, деспота ограничивалась собором властель, госвобы и духовенства. Такие соборы описаны в песнях о Душане, о Стефане Дечанском, о Лазаре: они решают вопросы о престолонаследии, о войне, о религиозных спорах.

Песни о Стефане Немане, Уроше I, Милутине, Душане, Юрие Бранковиче говорят о собирании земель и о тех средствах, которыми это достигалось: согласно песням, в ход пускались политическая и военная сила, захваты, договоры, браки, покупки, убийства. Прекрасно охарактеризованы в песнях отношения краля, князя, воеводы и их дружины, военный союз, побратимство, идеалы боевого товарищества, а также порядок собирания войска, характер битв и предников, снаряжение в поход, военные игры и состязания, обряд клятвы в верности, и т. д. По песням можно представить себе и то, кто какем городом и областью владел (см., например, песню о Маргите и Райко-воеводе, где обстоятельно все это перечислено).

Песня довольно ярко рисует и особенности материальной культуры средневековой Сербии: град (крепость), двор, дом, крепостные башни, стены и мосты (см., например, песни о Вукашине, о Приезде), конюшни,

погреб, веревка, площадь. Эпические сербские песни свидетельствуют о богатстве и материальной и духовной культуры средневековой об искусных зодчих (как Радо), о мастерах-кузнецах (как Новак), о знатном деле («златарство»), резьбе, литье, шитье. Замечательно описаны в песнях одежда и оружие, конская сбруя, жилище и его обстановка, обрядово-бытовая сторона жизни. Все это имеет большое познавательное значение.

Отразились в песнях и религия, и международные связи, и отношения, и характер средневековой образованности. Следы религиозных представлений сильны в эпосе, так как религиозные различия сербов и турок много значили в борьбе. Христианская религиозная идеология охарактеризована в песнях о Неманичах, игравших важную роль в создании сербской церкви. Православие долго совмещалось с язычеством (в песне герою помогают «бог и среѣа»), оно наложило отпечаток на образованность (чтение книг героями песен — Юг-Богданом, Марком Кралевичем, Стефаном Дечанским, Лазарем, протопопом Неделькой). Христианство, принятое вначале лишь верхушкой сербского феодального общества, сделалось затем религией всего народа и играло большую политическую роль: оно стало орудием влияния на народ (Неманичи соединяли в своих руках политическую и религиозную власть). Но принятие христианства грозило превратить Сербию в провинцию Византии, и Сербия вела борьбу за свою самостоятельную церковь (см. песни о Саве) и далеко не мирилась с византийскими церковными порядками (см. в песнях упреки по адресу Душана). Вместе с тем православие способствовало развитию образованности (см. песни о дьяке-самоучке), помогало избежать нивелирующего влияния католичества (см. песни о борьбе с латинянами) и противопоставлялось мусульманству турок-завоевателей.

Сербские песни отразили и международные политические и культурные отношения: союзы деспотов Бранковичей с мадьярами, борьбу Черноевичей с Млетаком (Венеция). Дамасские сабли, гданские пистоли, египетская пряжа, арабские кони, татарские стрелы, польская гордость, московские подарки и помощь, упоминаемые в песнях, все это следы международных связей.

Не имея здесь возможности обстоятельно раскрыть познавательную сторону сербского эпоса, мы лишь заметим в заключение, что оно весьма велико: эпические песни дают довольно многостороннюю характеристику эпохи и, несомненно, могут помочь историку более конкретно и ярко представить себе социально-политические отношения, духовную и материальную культуру не одной эпохи средневековья, но и всех других. Особо надо отметить широкое воспроизведение в песнях эпохи гайдучества и ускочества, их характера, их значения в освободительной борьбе и т. д., причем все это дано в народном понимании, так что одновременно раскрывает и народное самосознание определенных эпох.

Критическая проверка показаний эпоса подтверждает правильность большей части их, а недостаток исторических документов увеличивает их ценность.

Общая характеристика эпохи в эпических песнях правильна и содержательна, но отдельные исторические факты не неизменны. Песня может сохранять и утрачивать точность изображения. — здесь действуют и традиционность стиля, и художественная типизация, и продолжительность жизни песни. Естественно, что чем больший путь жизни прошла песня, тем менее точна будет в ней передача исторического факта. В песне «Марко находит отцовскую саблю» традиционный мотив нахождения героем чудесного меча слился с историческим фактом гибели отца Марка Вукашина на р. Марице. Песня «Женитьба Якшича Дими-

тра» в изображении событий и лиц сохраняет лишь историческую характерность героев и их поступков, но не передает исторических фактов.

Традиционная передача песни от певца певцу удерживает в песне ее историческое зерно. Но традиция есть вместе с тем устойчивость представлений и стили. В таком случае исторический факт в песне подчиняется уже установившемуся традиционному изображению, что может значительно менять его конкретно-исторический характер.

Традиция в эпосе совмещается с непрерывными позднейшими привнесениями и переработками, которые уводят песню от географической и хронологической точности, вызывают анахронизмы и противоречия. Песня о Косовском бое говорит о Мрнявчевичах, которые жили в до-косовское время, и о ерцеге Стефане, который жил позже. Даты в песнях могут быть только общего характера (Видовдан, Юрьев день). Дат в эпосе по существу нет, хронологическая соотносительность событий не выдержана. Какая может быть хронология в эпосе, где Марко живет триста лет, где Урошу сорок дней во время смерти его отца, тогда как в истории ему 16 лет, где Юг-Богдан и Новак всегда стары, а Секула и Груица всегда молоды? Поэтому хронологии в эпосе не следует искать. Песни полны анахронизмов. Марко соединяется с Михаилом Шпшманом (1323—1330) и приезжает к нему из Прилепа. Но Марко полстолетием позже был в Прилепе. Скадр на Бояне в песне строят Мрнявчевичи, но он был построен задолго до них. В песнях турки уже при Марке в Царьграде, на самом деле они заняли его через 59 лет после смерти Марка. По песне Вукашин участвует в Косовской битве, но он погиб за 18 лет до нее. Хреля не мог бороться с Вукашином, так как умер в 1343 г. Марко по песне появляется в Азаке в 1442 г., спустя 48 лет после своей смерти. Марко выводится и среди гайдуков, героев XVII—XVIII вв. Совмещение в одной песне лиц разных эпох — не редкость.

Имя героя играет важную роль в песне. Уже самое упоминание имен исторических лиц в песне говорит о том, что ее герои не плод фантазии, а образы, имеющие свои исторические прототипы. Удивительно богат состав исторических лиц, которых помнит народная песня. Среди уже названных выше — Лютица Богдан, воевода Владета, бек-Костадин, Баязет, Мехмед и многие другие. Но песня выдает за исторических лиц и таких героев, историчность которых сомнительна, например: Вуча-генерал, Лазарь Раданович, Уступчич Павел, Максим Черноевич (Максима не было, были: Иван, Юрий, Степан, Станиша Черноевичи). Другие лица расшифровываются предположительно, так, например, Манойло в песне «Кумованье Грчића Манојла», может быть, — родственник Ерины Бранкович — Мануил Комнен; герои песни «Милан-бег и Драгугин-бег», возможно, — сыновья Уроша, боровшиеся из-за престола; зодчий Радо в песнях «Построение Скадра» и «Построение Раваницы», вероятно, — Радо Борович, строитель монастыря в Любостине; Влах-Аля, может быть, — Али-паша, великий визирь Мурата I; Филип Мадьярин, возможно, — Пипо Спано, темишварский воевода (1369—1426) (см. песню «Марко и Филип Мадьярин») и т. д. Песня нередко меняет имена и устанавливает иные отношения лиц: жена Душана называется Роксандой, на самом деле ее звали Елена; мать Марка Кралевича называется Евросимой, но она носила имя Елена; Иван Черноевич называется братом Юрия, но он был его отцом и т. д.

Историческая география в песнях примерно такова же. В сербском эпосе упоминаются сотни городов, сел, областей, чем он отличается от эпосов других народов, причем мы находим здесь точное приращение героев: Неманичи связаны с Призреном, Марко с Прилепом, Бранковичи со Смедеревом, Черноевичи с Зетой. Песни дают относительно верные историко-географические сведения: так, они помнят, что Едрел (Адрианополь) был столицей старой Турции, что Вукашин убит на Марице,

что Жаблак был стольным городом Ивана Черноевича, что село Купиново принадлежало Бранковичам, как и село Беркасово, что Змай-Вук родился в Клобуке. Весьма точна география Косовских песен. Эпос многое сохранил из старой географической номенклатуры, хотя, естественно, в песнях немало ошибочных указаний. Скадр никогда не был в управлении Вукашина, Якшичи никогда не правили Срамом, Перитеорид на Эгейском море смешан с Пирлитором в Черногории, Марко Крадевич убит при Ровинах, а не на Урвин-горе близ Афона. Есть в географии песен и много необъяснимого, как названия Ребляник, Сервана, Ступница.

Наконец, в личных и географических именах нельзя не отметить своеобразной унификации: так, мать героя носит обычно имя Евросима, жена — имя Анделия, слуга — имя Ваистин; так, песенная река обычно называется Дунаем, почему на Дунай помещаются города Смедерево, Едрен, Мостар; так, к Косову полю прикрепились многие другие битвы и Косово стало обычным песенным местом битвы.

Какой же из этого следует вывод? Только тот, что не в именах героев и географических названиях надо искать историческую верность песен, хотя и те и другие относительно верны. Важно, что они носят общий исторический характер и подтверждают общий же исторический характер всего эпоса. Песня — не фотография и не документ: историческое лицо для нее — прототип художественного образа — героя песни, представляющего собою социально-исторический тип.

6

Сербский эпос (и это главное) историчен в том, что воспроизводит основные стороны народной жизни и те основные стремления и идеалы, которыми жил народ. Одним из важнейших явлений жизни сербского народа была борьба с турецким нашествием и многовековым турецким гнетом. Поэтому одной из центральных идей эпоса является борьба с турецким владычеством; она была одной из главных проблем жизни народа, и она вместе с тем была одним из основных условий, содействовавших развитию эпоса. На каждом шагу юнацкие песни рисуют картины турецких насилий, которые вызывают у слушателя естественное чувство жажды мщения. В песне «Маргита девушка» (К а р а д ж и ч, III, № 10) девушка жалуется на те беды, которые учинили турки в Сербии, и хочет рассказом о них вызвать у воеводы Райко стремление отомстить туркам; в песне № 179 Ерлангенской рукописи поется о том, как турецкий паша «поробио» села по Приморью, увел в плен людей; в песне № 19 сборника Марьяновича мать рассказывает сыну:

Па је доше турске Мустајбеже,
Па погуби... бабу твога,
И одведе до девет снашица,
И одведе сестрицу једину.

Турки показали себя такими кровавыми насильниками, что один из героев песен легко узнает, где дом турка Мустафы по несомненной примете: «Ококуће крвца проливена» (М а р њ а н о в и ч, I, стр. 123).

Сербский эпос глубоко патриотичен, и притом в широком смысле. Он показывает тот дух патриотизма, который владел сербским народом в борьбе с врагами. Сербские юнаки — герои песен — прежде всего самоотверженные защитники родины. В ответ на насилия турок они идут на борьбу с ними. Они чувствуют свою ответственность за судьбы родной земли. Мусич Степан, опоздавший на бой, считает лучшим погибнуть, нежели возвратиться, не приняв участия в битве; брат царицы Милицы Бошко отказывается остаться с сестрой и идет на поле боя; воевода Мина (не путать с Миной из Костура) берет вину на себя за

то, что упустил турок и позволил им жечь и грабить сербские села (К а р а д ж и ч, IV, № 49).

У сербских героев есть своя патриотическая гордость. Старина Новак перед боем напоминает сыну Груице, что он серб и не должен этого забывать:

Но ако те српкиња родила,
И српскијем млеком задоила,
И ако си јунак од јунака.

(С то я д и н о в и ч, I, стр. 11)

Идя в бой юнаки говорят:

На то су нас и родиле мајке,
Јал' добити, јали погинути.

Героические страницы прошлого сербского народа отразились в героической борьбе юнаков сербского эпоса. Но эпос не только изображает героинку, он воспеваеет ее и при этом развивает две важнейшие идеи: мысль о том, что в тяжелые для родной земли времена находятся в народе герои, ее защитники, и мысль о том, что только героическая, самоотверженная борьба может спасти народ от иноземного ига. Эти идеи, как и картины борьбы, исторически верны.

Сербский эпос важен тем, что он ставит и решает проблемы, выдвигаемые конкретно-исторической обстановкой жизни и борьбы сербского народа. Не один раз сербский народ пытался ценой больших жертв, героическими усилиями сбросить с себя турецкое иго, но безуспешно: нехватало сил, не было должного единства, турецкое государство было сильнее. Казалось, нет выхода и нужно терпеть. Но народ не мог мириться с таким решением вопроса. Он искал выхода и нашел его, обратив свои взоры к другим славянским народам, и прежде всего к русскому народу. В юнацких песнях нередко действуют рядом сербские и болгарские герои (Реля, Момчило и др.). Однако в них особое место занимают русские, москвичи. О них говорится во многих песнях, они изображаются как защитники порабожденных славян и определяются словами «од боја јунаке». В песне № 61 т. III сборника Петрановича они прославляются:

Да се Руси славе и поносе,
У вијеку по свему свијету.

В юнацких песнях князь Лазарь будет говорить сыну о русских, царица Милица будет спасаться в России, сербы будут радоваться тому, что Петр I пришлет им письмо. Песня о походе турок на Бечу (Беч) рассказывает о том, как московский царь Михаил разбил турок и спас сербов и австрийцев, как бежал турецкий султан и говорил:

Докле тече сунца и мјесеца,
Нигда на те војевати нећу.

Султан раскаивается в том, что пошел против русских:

Много раз я бился с москвичами,
Много раз бежал я перед ними,
Но и разу гнать их не случится.

Сербский народ всегда связывал с Москвой и русскими свои лучшие надежды. Петранович в примечании к одной из песен (III, стр. 625) рассказывает, как сербы мечтают о том, что с русскими «се нада спокојној будућности». В великом русском народе сербский народ видел

своего бесспорного друга-защитника. В песне «Ерина» (К а р а д ж и ч, II, № 80) зек Максим советует Ерине Бранкович отдать дочь за мостового краля:

Москвичи ведь храбрые юнаки,
Воевать помочь они нам могут.

Сознание любви народа к родной земле, сознание присущности чувства ответственности за ее судьбу, сознание героического духа свободолюбивого народа и надежда на помощь русского народа — рождали веру в победу и освобождение. Отсюда идет необычайный в условиях тяжелых страданий оптимизм народа, так сильно проявившийся в эпосе. Герой одной из песен говорит, что «србин може да никад не тужи», потому что он «се врати слава и слобода» (Петранович, III, № 59).

Оптимизм и вера в победу более всего проявляются в постоянном мотиве победы сербского героя на поединке с турком, что служит обычным концом песни:

Од јунака нико не погибе.
Од турака нико не остаде.

(К р а с и ч, № 4, стр. 20)

Так песни выражали неумирающую в народе мечту о победе. Проявлением оптимизма в юнацких песнях служат также шутка, юмор, ирония по адресу врага. О герое говорится:

Лако маше, ал' удара тешко,
Где удара, мелем (пластырь) не требује.

Все это правдиво, исторически верно характеризует «думы и чаяния народа».

Но было бы неверно за патриотическими и моральными идеями сербского эпоса не видеть его классовую сторону. Более того: было бы совершенно неверным в самих идеях патриотизма и высокой морали не видеть их классовой сущности — это народные идеи, и в этом они противоположны идеям феодальной аристократии. В борьбе сербского народа с турками ставился вопрос о существовании народа и его культуры. Классовая сторона эпоса нашла свое выражение прежде всего в демократизме главных его героев — Марка, Новака и других. Демократические симпатии певцов и героев песен особенно ясны в песнях об ускоках и гайдуках, где народ рассматривает себя как реальную силу истории, где видно, как инициатива борьбы, рожденная в массах, толкает на борьбу и князей и воевод. Классовая сторона эпоса сказалась и в явном осуждении поведения сербской властели и князей в борьбе с турецким игмом; он осуждает феодальные распри князей, раздробление земли и измену.

Сербский эпос сложился из местных циклов и сказаний, которые говорят о местных героях. Но он поднялся над местными сказаниями в том отношении, что в нем живет представление о сербской земле как едином целом. Распрям князей противопоставляется стремление народа к объединению. Идея единства в борьбе — одна из основных идей сербского эпоса:

Док се серби у слогу не сложе,
Пак за стару славу не прихвате.

(Петранович, III, № 59)

В песне «Маргита-девушка» говорится, что в борьбе должны идти «Све вoјводе и градове редом».

В песнях звучит идея служения князя родной земле. Царь Стефан Дечанский (на которого песня перенесла черты Стефана Душана) завешает сыну:

Но ти божји аманет ја дајем:
 Чувај народ ко и своју главу.

В песнях Ерича Бранкович обвиняется в жестоком обращении с народом и его защитниками, в измене народу и родной земле:

Порешила дочь за турка выдать, —
 Вместе с нею отдала ты туркам
 Города и всю родную землю.

(Караджич, II, № 80)

В песнях мы найдем и мотивы социальных противоречий, эксплуатации. Так, в песне «Марко Кралевич и бег-Костадин» противопоставлены крестьянские и княжеские дети; в песне «Жена богатого Гавана» бедный крестьянин Степан служит у богатого Гавана девять лет и за это получает только ягненка; в песне «Старина Новак и князь Богосав» Новак за три года тяжелой работы (он подвозит камни и деревья) ничего не получает:

И за эти целые три года
 Мне не дали пары, ни динара,
 Я онуч не заслужил на ноги.

(Караджич, III, № 1)

В той же песне говорится о работе народа при дворах воевод и деспотов, о тяжести податей и даней.

Наконец, социальная сторона сербского эпоса сказывается и в том, что в нем показано классовое строение феодального общества и народ противопоставлен властелинам и господам.

Все эти моменты эпоса показывают и позволяют понять социально-исторические условия жизни народа, его понимание смысла многовековой борьбы с турецким владычеством, его оценку социальных взаимоотношений, идеи, которые его воодушевляли, стремления, которыми он жил. А это, естественно, углубляет историко-познавательное значение сербского эпоса. Это же придает ему огромную идейную роль в исторической жизни народа и его освободительной борьбе.

7

Исторические события и исторических героев эпос изображает красочно и ярко. Но они не всегда представляются как конкретные события и лица, в них есть свойственные искусству моменты обобщения и типизации. Эти последние, однако, не убивают в эпической песне истории. Это зависит от того, что эпическая песня, делая обобщения, подмечает по существу закономерности в исторической жизни народа и дает выводы. Она рассматривает историю не как совокупность случайностей, а как обоснованный ход событий. Поэтому сербский эпос от обобщения и типизации переходит к объяснению исторических явлений; он осмысливает исторические события и лица в их значении для народа и государства в целом в определенном социальном аспекте. В нем есть представление о связи и последовательности событий, их причинах и значении. Что и лежит в основе объяснения фактов. Так, Косовская битва 1389 г. эпос отводит огромное место в исторических судьбах сербского государства и народа:

В этой битве сербы потеряли
 На земле и власть свою и свет.

Историки оспаривают это; многие считают, что Косовская битва 1389 г. не имела решающей роли для судьбы Сербии, так как позже, в 1433 г.,

сербы разбили турок на том же Косовом поле и до 1459 г. Сербия сохранила независимость. Но народ иначе представляет себе эту битву и иначе оценивает ее: битва изображается в песнях как поражение таких крупных размеров, после которого государству трудно было снова оправиться; в битве пали многие вожди и герои, погибло много воинов; битва привела к расколу в среде князей и властителей и этим еще более подорвала силы народа и единство; битва показала туркам, что они сильны и могут решиться на большие действия, родила в них уверенность в себе и хотя не была гибелью сербского народа, но была началом гибели сербского государства: она открыла дорогу туркам на Балканы — в Сербию, Болгарию и даже Венгрию. Вот это сложное историческое значение Косовской битвы 1389 г. народ сумел определить и выразить в своих песнях. В этом проявляется значительный уровень исторического мышления народа, умение постичь и оценить события.

Сербский эпос, далее, правильно понял деятельность Неманичей как строителей государственности и культуры, роль князя Лазаря как патриота и защитника идеи единства народа и единства сербских земель, роль гайдуков как партизан и борцов против турецкого насилия и т. д. В этом глубокий смысл народных песен. Здесь невольно припоминаются слова из «Паломничества Чайльд Гарольда» Байрона:

Порой историк вводит в заблуждение,
Но песнь народная звучит в сердцах людей.

В сербских юнацких песнях нередко встречается стремление объяснить изображаемые события. Но, понятно, объяснение зависит от понимания событий. В песнях, естественно, можно найти и объяснения чисто анимистического и магического характера, как объяснения вмешательством в ход событий вилы, судьбы («Србима је сређа помогала»), верой в силу слова (сбывающееся проклятие Вукашином Марка) и т. д. В песнях мы найдем и религиозно-христианское объяснение событий вмешательством бога, ангелов, дьявола. В песне «Царь Стефан празднует славу» причиной поступков героев служит дьявол. В песне «Игумен Сава и семь патриархов» (Петранович, III, № 59) падение Сербии под ударами турок объясняется «предопределением»: патриархи читают «книге староставне», в которых сказано: «турци ће нам преузети царство». Сюда примыкают и легендарно-апокрифические сказания, как в песне «Откуда пошла война» (Марьянович, I, № 23): песня объясняет причины войны греховными стремлениями людей. Все это исторически характерно для состояния культуры, религиозных верований, устойчивости культурных пережитков. Но не о таком объяснении сейчас идет речь.

В эпических песнях мы находим подлинно глубокое понимание событий, объясняющее их социальными условиями феодализма. Так, поражение сербов в Косовской битве 1389 г. объясняется, во-первых, огромной силой турок: в песне № 12 сборника Петрановича говорится, что турчин «сакупи силовиту војску»; в песне «Разговор Милоша с Косанчичем» (Караджич, II, № 51) Косанчич, вернувшись с разведки, говорит:

Нету края стану, туркам счёту...
Всё покрыто силою турецкой;
Плотно конь с конем, а турок с турком.

Во-вторых, исход битвы объясняется смертью Стефана Душана и отсутствием сильного правителя, способного твердой рукой сдерживать стремление властителей раздробить государство на мелкие слабые княжества.

Эта мысль объективна и справедлива. В-третьих, в числе причин пораже-

ния указываются и такие обстоятельства, как измена (измена Вука Бранковича):

Будь он проклят с родом всем навеки!
Изменил на Косове он сербам
И увёл двенадцать тысяч войска...

Если мотив измены как объяснение мог войти в песни из-за чувства гордости, не позволяющего примириться с фактом поражения, то только отчасти, ибо в действительности история борьбы с турками знает измены (измена Вука Влатковича), знает даже борьбу сербских властителей против сербов на стороне турок. Измена восходит к основной причине, подрывавшей силы сербов, — к феодальным раздорам («невера и неслога»), несогласию, отсутствию единства. Таким образом, поражение сербов в Косовской битве 1389 г. объяснено относительно объективно и верно.

В более поздних песнях мы находим и новое обстоятельство в объяснении хода и характера борьбы с турками: в гайдуцких и ускоцких песнях рисуется активная борьба не только отдельных героев, юнаков, богатырей, но и всего народа; тут видно новое понимание движущих сил истории, народ поднялся до осознания своей собственной роли и роли партизанской борьбы с врагами (гайдуки).

Объяснительная сторона сербских юнацких песен порой поражает своей оригинальностью и глубиной. Это сказывается на самом изображении лиц и событий. В песне «Начало восстания против дахийцев» (К а р а д ж и ч, IV, стр. 117) народный певец Филип Вишнич объясняет поведение турок в завоеванной Сербии и высказывает при этом ряд исключительно важных социальных идей. Турки в песне Вишнич рассуждают, как искусные дипломаты и политики, с явным пониманием положения в Сербии в конце XVIII в. Они считают, что не надо чинить явных насилий, притеснять народ открыто и грубо, позорить сербов, потому что власть, основанная на всем этом, скоро падет; надо прислушиваться к настроениям народа, но искусно использовать их в своих интересах; нужно личной заинтересованностью подкупить князей и воевод, и они ради личного благополучия забудут, какие страдания терпит народ. Следует признать, что в этой песне певец обнаружил исключительное понимание социальных отношений, исторической обстановки и реальных особенностей турецкой политики в Сербии. Здесь эпос выступает в своей идеологической сущности как форма осознания действительности, что еще более увеличивает его историческое значение.

8

Как мы уже говорили выше, в основе сербской исторической песни лежит исторический материал. Но было бы неверно попросту приравнять ее к историческому документу. Это значило бы уничтожить ее особенность как поэтического произведения. Песня — не только история, рассказанная самим народом, но и поэзия, и подчиняется всем особенностям поэтического творчества, в притом устного. Поэтому исторические события и лица не могут быть в ней представлены в том виде, как в летописи или другом историческом документе. В эпосе исторический материал подвергается поэтическому претворению. Песня не регистрирует факты, а художественно их воспроизводит по законам создания образа и сюжета, дает им свое идейное наполнение и осмысление. Так, песня «Женитьба князя Вукашина» говорит об историческом лице Момчиле, жившем в первой половине XIV в. Он болгарин, служил Византию, то Анне, то Кантакузину, основал в Родопских горах небольшое княжество с г. Перитеорием (на берегу Эгейского моря). Он погиб под стенами этого города в 1345 г. — в битве с греками и сельджуками. Жители города не хотели

изобразить Момчила и не открыли ему ворот, когда враги оттеснили Момчила к самым стенам города⁶. Эту историческую канву событий песня преобразует. Она кладет в основу сюжета смерть Момчила у стен своего города, что исторически верно, но она делает врагом Момчила Вукашина, а не греков и сельджуков, основанием для чего служили существовавшие в народе предания и песни, в которых Вукашин изображался злодеем, узурпатором; она делает предательницей жену, а не жителей города и вводит мотив соблазнения Вукашином жены Момчила.

Историческое лицо, став героем песни, подвергалось типизации, образ его впитывал в себя многое от уже живших в эпосе героев. Исторические лица превращаются нередко в типы краля, жены, матери, слуги, юнака, теряют свое историческое имя или приобретают новое. Имя «Сулейман» станет в песне именем всякого султана, как имя «Анделия» — именем всякой жены юнака. Появятся весьма обобщенные фигуры — Арапин, Турчин, Латинин, Мадырин, король Московский, дож Млетачский, царь будимский, султан турецкий. Уходя от исторически конкретного факта, песня будет все-таки передавать исторически характерные отношения.

Эпос обобщает не только имена, он обобщает историческое прошлое народа. Эпос имеет историческое значение не в том, что указывает ряд верных исторических фактов, даже деталей⁷ (это лучше его делают летописи, родословы, юридические документы), но в том, что изображает исторически типичные явления и образы, позволяет представить и понять общественные отношения, народную психологию и народное миропонимание в прошлом. Поэтому нельзя отождествлять образ песни и историческое лицо, сюжет и историческое событие. М. Халанский, с нашей точки зрения, справедливо писал: «Сущность исторических воспоминаний в песне объясняется самой сущностью песни, как поэтического произведения и условиями жизни поэтического образа. Песня не дает реляции об историческом событии. Как поэтическое произведение песня отражает событие в образе или совокупности образов. Полного равенства, тождества между поэтическим произведением, образами песни и самим событием не бывает и быть не может: образ всегда шире события»⁸. Сербский эпос как собрание исторических песен имеет, однако, большое историческое значение. А. М. Горький говорил: «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества», а сербские эпические песни более, чем какой-либо другой жанр фольклора, открывают путь к пониманию подлинной истории сербского народа. Эпос был устной поэтической историей народа, в которой народ рассказал сам о себе, о своих деяниях и помыслах, он был художественным освоением прошлого. Эпос свидетельствует о широте исторического кругозора народа и о глубоком понимании им исторических событий, об умении связать прошлое с настоящим. В эпосе проявилось историческое самосознание народа, он пронизан любовью и уважением к прошлому родины: интерес к истории родной земли был важным явлением культуры сербского народа, подпавшего под турецкое иго; особо сильно патриотическое чувство, как и потребность оглянуться на свое прошлое, осмыслить его, проявились после больших событий 1389—1459 гг., — народом как бы

⁶ Т. Флоринский, Византия и славяне в XIV веке. I, стр. 73—75; К. Ирек, История болгар, перевод Яковлева, стр. 285.

⁷ Так, песни об освобождении Сербии в 1800—1804 гг. упоминают лунное и солнечное затмения, которые действительно имели тогда место и, естественно, как и в песнях, воспринимались как небесные знамения.

⁸ М. Халанский. Южнославянские сказания... «Русский филологический вестник». т. XII, 1892. стр. 96.

Был сделан заказ на историю родной земли. Эпическая песня играла роль истории во время слабого распространения письменности: она хранила память о событиях и лицах, имевших общенародное значение, песня придавала местным сказаниям и героям общенародное значение, поднималась до обобщающих представлений об исторических судьбах родины. Хотя песня — это история в поэтической форме, хотя многое в ней далеко отходит от исторической достоверности⁹, — эпос служит своеобразным историческим источником, который богатством и сложностью своего материала свидетельствует о богатстве и сложности исторической жизни и культуры народа. «Эпическая поэзия постоянно развивалась, ее содержание росло с самой историей»¹⁰.

Русские ученые прекрасно определили историческое значение сербского эпоса. Так, И. Смелъницкий писал: «Хотя сербские и болгарские песни прямым историческим источником в строгом смысле этого слова не могут служить, как и вообще всякого рода поэтическое произведение, тем не менее в них ясно отражается история народа, все им прожитое и выстраданное. При всем смещении зачастую исторической истины с поэтическим вымыслом, сербские и болгарские песни (разумею, главным образом, исторические) по своему общему составу, по нравственной характеристике лиц, по пониманию великих событий старины и до сих пор не встречают себе соперничества ни в одном историческом сочинении, а по искренности национального чувства они могут равняться разве только с самыми лучшими страницами летописи»¹¹.

А. Н. Пыпин так охарактеризовал эту сторону песни: «Юнацкая песня... была... единственной народной историей и единственным средством общенародного сознания о совершающихся событиях. В юнацкую песню переходил всякий славный факт, совершенный тем или другим героем за народное дело; в этой песне он распространялся по всем землям сербского языка; народ слагал здесь и поэтическое воспоминание в события, и его оценку»¹².

Историческое самосознание народа, выраженное в эпосе, является одной из важнейших сторон его идейного содержания. Сербские эпические песни не только отразили особенности прошлого сербского народа, не только дали оценку исторических событий и героев, что является моментом активного отношения эпоса к действительности, но прямо стремились воздействовать на жизнь, используя для этого картины прошлого и образы героев прошлого. История в сербском эпосе стала средством воспитания героизма, патриотических чувств, средством осознания прошлого, а герои эпоса — образцами общественного поведения. Развитие сербского эпоса тесно связано с развитием освободительной борьбы сербского народа, в которой эпос играл важную идейную роль¹³.

Сербский эпос в отличие, например, от мифов вырастает на конкретно-исторической почве. Эпические герои не водяные или лесные боги, а образы, в которых выражено народное представление об исторических деятелях. Борьба героев — не борьба добрых и злых сил природы, а поэтическое изображение больших социально-исторических событий. Идейное содержание сербского эпоса не имеет отвлеченно-морального характера, а имеет определенную социальную направленность. Это позволило сербскому эпосу приобрести непосредственное значение в освободительной борьбе народа, задачам которой он воплощал изображение прошлого.

⁹ С. Маретич говорит: «Занимательность — это история» — Цит. ст., стр. 106.

¹⁰ А. Н. Пыпин. «Вестник Европы» 1874, ноябрь, стр. 703.

¹¹ «Филологические записки». 1898, в. 1 — II, стр. 18.

¹² Цит. статья, стр. 703.

¹³ Этому вопросу мы посвятили особую работу «Идейное содержание и идейная роль сербского эпоса», которая напечатана и опубликована в сборнике «Славянский фольклор» Института этнографии АН СССР — II, А.